

слѣдующаго требованія уже положительной любви ко врагамъ. Здѣсь основной смыслъ заповѣди, по которому если *тὸ πονηρὸν* переводить дательнымъ, она будетъ говорить: не противься тому, что кажется тебѣ зломъ. Безспорно, что въ такомъ случаѣ слово Спаситель о злопротивленіи не будетъ затрогивать непосредственно живыхъ вопросовъ. Но не гр. Толстому бояться поднимать вопросы, которые непосредственной остроты не имѣютъ. А между тѣмъ, остановившись на этой сторонѣ дѣла, онъ гораздо болѣе показалъ бы всѣмъ, начиная съ себя, что его *ἀρχή* имѣетъ своимъ предметомъ нечто другое, что совершенно легко и резонно могло бы и не примѣшиваться; но остатки языческаго элемента въ христіанскихъ обществахъ ¹⁾).

Для того чтобы вполне схватить ту особенность второй части нагорной проповѣди, по которой Спаситель сосредоточивается исключительно на внутреннемъ христіанина, должно, сказать о словахъ „не судите, да не судими будете“. Они по мнѣнію гр. Толстаго воспрещаютъ гражданско-юридическую функцію, суды. Что бы тамъ ни было, но эта заповѣдь прежде всего и главнѣйшимъ образомъ имѣетъ смыслъ психологическій: не судовъ и не частныхъ пересудъ она касается, но 2-й заповѣди блаженства о плачущихъ. Какъ скоро христіанинъ прошолъ и усвоилъ всѣ ступени усовершенія, до сихъ поръ предложенныя ему въ нагорной проповѣди; для косныхъ залоговъ, лежащихъ въ немъ, открывается новая возможность къ господству. Высота усвоенныхъ хотѣній и дѣйствій весьма легко обращается въ мѣрку для оцѣнки другихъ. Шагъ дальше, и человѣкъ теряетъ главнѣйшее условіе, орудіе для своего совершенствованія. Это орудіе заключается въ способности самосужденія или самообличенія. Работа ея не только трудна, но и чрезвычайно непріятна для человѣка. Отсюда въ общемъ всегдашняя склонность отдѣлаться отъ нея и дать ей другое направленіе другой матеріалъ, т. е. обратить ее на виѣшнее—на пересужденіе

---

¹⁾ Само собою разумеется, что въ случаѣ, если бы гр. Толстой остановился на первоисмыслѣ заповѣди онъ заговорилъ бы о пресловутомъ житейскомъ самосохраненіи, потому что оно именно и есть та философія, къ готовному и энергическому проведенію которой призывается сила *ἀρχή* стихійными задатками человѣка. Тема, всякій знаетъ, не медкая и не мертвая.